

Зеленый чай как основы алхимии - задание завхоза

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн пришел в столовую чуть раньше друга. Он посмотрел на большую корзину с зелеными чайными листьями, которые предстояло обжарить на воке. Вернее, как называли мастера чайных дел, "зафиксировать", чтобы остановить процесс ферментирования. Так должен был получиться зеленый чай, который ценили в деревне и перепродавали туристам, которые приезжали в Лхасу и её окрестности.

Несколько раз Сонгцэну приходилось видеть, как в Непале эту работу проделывали настоящие мастера, которые мешали листья в раскаленном воке голыми руками и точно знали, когда лист будет готов. Чай попроще сушили в специальных барабанах, но ценители говорили, что тогда у него будет не такой хороший вкус и аромат. Сонгцэн хуже, чем его отец, разбирался в сортах чая, хоть и мог отличить хороший напиток от какого-нибудь попроще. Он надеялся, что они с Юншэном не испортят изумрудные листья чайных кустов, пока будут их сегодня обжаривать.

Сонгцэн поставил вок на огонь, чтобы не терять время. За окном накрапывал мелкий дождь, и уже чувствовался осенний холод, но в столовой было жарко, особенно рядом с очагом.

Юншэн Лю

Юншэн опаздывал, потому что немного забыл о времени и засиделся дома, думая о том, насколько погода не располагала к работе. Но он уже обещал По сяншену и Сонгцэну, что поможет с чайными листьями, поэтому идти на попятную было поздно. Юншэн пришел в столовую и снял при входе слегка намокшую ветровку.

- Привет, давно ждешь? - спросил он.

Сонгцэн уже поставил греться сковороду, хоть и не клал в неё чайные листья. Он обычно не опаздывал, в отличие от Юншэна. С его мамой попробуй куда-нибудь опоздай.

- Я не очень понял, как обжаривать эти листья, хотя По сяншен объяснял, - признался он. - Прямо руками лезть в горячую сковородку, да?

Эта перспектива его сильно настораживала. Юншэну не хотелось обжигать руки о раскаленный вок, перемешивая чайные листья, как бы важно это ни было для конечного результата. Наверняка можно было взять длинные палочки, которые использовали, когда готовили еду.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Вскоре пришел Юншэн, который опоздал даже меньше, чем обычно. Пунктуальность никогда не была его сильной стороной.

- Нет, я просто рано пришел, - ответил Сонгцэн.

Сковорода уже достаточно нагрелась, и Сонгцэн кинул в неё пару больших горстей зеленых листьев, которые стал перемешивать руками. Он не чувствовал особого жара, потому что мешал быстро, к тому же магу Огня не так просто обжечься.

- Примерно понял, - ответил он. - Я помешаю, не переживай. А ты будешь убирать готовый чай в пакеты и насыпать новый.

Юншэну была куда проще разобраться с магией Воды, чем с магией Огня, и Сонгцэн считал, что такое разделение обязанностей будет справедливым. От чайных листьев шел ароматный пар, пока они сами становились более плоскими, сваливаясь в зеленую массу, которая будет похожа по форме листьев на Колодец Дракона.

Юншэн Лю

Юншэн недоверчиво посмотрел на то, как Сонгцэн мешал чайные листья в раскаленной сковородке. Листья подсыхали, их сок выпаривался, заполняя помещение столовой особым ароматом, не совсем похожим на аромат именно чая, но довольно приятным.

- Как скажешь, - охотно согласился Юншэн, получивший возможность на практике убедиться в том, насколько удобно загребать жар чужими руками. - Как твои тренировки с Водой? - спросил он.

Чайных листьев было много, целая корзина, их небось придется сушить до самого вечера. Зато появилась возможность поговорить с Сонгцэном, с которым они сейчас общались меньше, чем прежде. У каждого из них появилась своя одержимость. В жизни Юншэна теперь была Янлин, которая занимала все его мысли, а в жизни Сонгцэна - грядущий экзамен в клане. На фоне друга Юншэн считал, что легко отделался, потому что ему казалось более реальным добиться того, чтобы им с Янлин не мешали видеться, чем достичь мастерства во владении двумя противоположными стихиями.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Подсыхая, чайный лист становился бледнее и меньше в размерах. Листья сжимались, становясь узкими и тонкими, и их объем в воке уменьшался.

- Хуже, чем хотелось бы, - признался Сонгцэн. - Но что-то начинает получаться. Просто на Воду уходит больше сил, чем на Огонь.

Он не мог вспомнить, чтобы так уставал после первых тренировок по магии Огня. Все как-то получалось само и довольно удачно, а с Водой постоянно приходилось продираться через собственные мысли. При этом Сонгцэн чувствовал, что ему становилось хуже. Он чувствовал вечный раздрай в своих желаниях и эмоциях, ему казалось, что он загоняет себя незнамо куда, или его туда загоняют, и в какой-то момент он просто сорвется. Но потом принц Кобр напоминал себе, что пытается объединить два противоположных начала в одной голове, и ему становилось чуть легче от осознания, что он пока не сошел с ума.

- Как Янлин? - спросил Сонгцэн.

Юншэн Лю

Юншэн не стал ничего советовать Сонгцэну насчет работы с Водой, опасаясь, что тот отправит его мешать руками чайные листья, давая теоретические советы, как не обжечься. Сонгцэн вовсе не был тихим, спокойным и кротким, он лишь производил такое впечатление на тех, кто знал его недостаточно хорошо. Этот парень мог бы перерезать кому-нибудь глотку, затем спокойно сказать, что так принято в клане, и сесть дальше за каллиграфию.

- Я рад, что она смогла приехать на праздники, - сказал Юншэн и улыбнулся. - Но все равно редко удастся с ней видаться. Это еще сложнее, чем знать, что она далеко, когда она в соседнем доме, но у её родителей очередная причина её не отпускать.

Он не рассказывал Сонгцэну о подробностях их с Янлин отношений: что они делали, о чем говорили и так далее. Только о том, что чувствовал сам, в основном из-за невозможности с ней видаться. То, что происходило между ним и Янлин касалось только их двоих. Сонгцэн не спрашивал подробностей, и Юншэна это устраивало.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

— Кто вечным оковам себя посвятил? — Кому наслаждение — источник всех сил - А что же к свободе его приведёт? - Как станет аскетом — свободу найдёт, - сказал Сонгцэн с добродушной усмешкой.

Из всех тревог, что терзал его сердце, ни одна не была связана с любовью. Он знал, что его могли женить в интересах клана, и считал нечестным по отношению к какой-либо девушке давать ей надежду на отношения с ним.

Чай достаточно просох, и Сонгцэн высыпал листья в большую миску, затем поставил вок обратно на огонь. Он добавил две горсти новой зелени и снова стал её перемешивать. Пар снова стал густым и ароматным.

- Убери готовый чай в пакет, - сказал Сонгцэн Юншэну.

Такие листья можно было хранить даже в полиэтиленовых мешках, они были достаточно зафиксированы, чтобы не портиться. Но любой зеленый чай не советовали хранить долго, он быстро терял аромат, пока лежал, и самым ароматным был в первые три-шесть месяцев после сбора.

Юншэн Лю

Юншэну не понравилось, с какой иронией Сонгцэн говорил об аскезе и наслаждениях. В конце концов, он сам избегал девушек, потому что в его семье было принято жениться по приказу. Это не означало, что чувства других людей ничего не значили.

- Я бы не променял Янлин на аскезу, - сказал Юншэн. - Даже если мне тяжело, когда

её нет рядом. Что это за стихи?

Он достал пакет, пересыпал в него еще теплые листья чая и закрепил его металлической скобкой. Сонгцэн сам высыпал в сковороду новые листья, и Юншэн не огорчился, оставшись без этой работы.

В столовой снова сильнее пахло сохнувшим чаем. такой формат дежурства Юншэну даже нравился работал не он, а формально - оба. И это не давало Сонгцэну права считать себя самым умным и учить жизни. До Янлин жизнь Юншэна была совсем другой: спокойной, ленивой и бессмысленной. Юншэн не лез на стены, скучая по любимой девушке, но его жизнь была похожа на болото, которое все больше зарастало ряской.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Это Бханубхакта Ачарья, первый поэт, писавший на непальском, - ответил Сонгцэн.

Он быстро перемешивал листья, уже неплохо освоившись с этой работой. Сонгцэн так и не обжегся, несмотря на то, что вок был горячим, и никакие палочки не могли столь же быстро перемешивать мелкие чайные листья.

- Можешь считать, что я просто тебе завидую, - сказал Сонгцэн.

Это было не так. Сейчас он бы не нашел времени на личную жизнь, потому что готовился к экзаменам и учился. ему и так хватало, из-за чего переживать. А те истории любви, о которых он слышал и тем более читал, казались больше похожими на стихийное бедствие, а не на источник сил. Юншэну любовь помогла побороть лень, но Сонгцэн и сам не был ленив, ему хватало мотивации, чтобы заниматься своим развитием не ради прекрасных дев. Перед ним стояли совершенно другие задачи. А о личной жизни можно было подумать потом, когда он получит право носить оружие.

Сонгцэн ссыпал новые листья в миску и снова закинул в вок свежие.

Юншэн Лю

Юншэн сходил в подсобку и принес пустую корзину, чтобы складывать в неё пакеты с готовым зеленым чаем. Пока Сонгцэн мешал листья, заниматься было особо нечем, оставалось тусоваться где-то рядом и морально поддерживать друга. Работа пошла бы быстрее, если бы Юншэн взял второй вок, но очень не хотелось обжигать руки.

- А если вдруг случится, что ты влюбишься? - спросил Юншэн. - Посмотришь на девушку и поймешь, что вот, она - та самая, и жизнь без неё уже не то. И она готова ответить тебе взаимностью Ты не попытаешься с ней быть? Не будешь за неё бороться?

Ему это казалось диким и немыслимым, он был в том состоянии юношеской влюбленности, когда любовь кажется главной причиной и смыслом всего сущего. В такой влюбленности веришь, что любовь способна преодолевать любые преграды и является единственным и достаточным условием счастья.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн посмотрел на Юншэна, который считал, что кроме любви на свете не может быть ничего важного. Сонгцэн в принципе не верил, что можно вот так кого-то увидеть и с разбегу полюбить, да еще и чтобы это чувство лишило рассудка и заставило за него бороться.

- Я не думаю, что такое со мной может произойти, - сказал Сонгцэн. - Но если я полюблю девушку, и еще и она будет готова ответить мне взаимностью, я буду её избегать. Это лучше, чем начать с ней встречаться, а потом её бросить, потому что мне нужно жениться на какой-нибудь дочери вождя какого-то союзного клана.

Ему это казалось единственным вариантом, честным по отношению к девушке. Он не мог распоряжаться своей судьбой и давать ей надежду на то, что они смогут быть всю жизнь вместе. В королевском роду не исключали многоженство, но Сонгцэн не представлял для себя лично, как это - иметь официальную жену ради клана и любимую наложницу для себя. И что обе эти женщины при этом будут чувствовать.

Юншэн Лю

- А тебе кто-то когда-то прямо говорил, что тебя обязательно женят так, как выгодно клану? - поинтересовался Юншэн, запаковывая очередной пакет с подсушенными листьями.

Насколько он знал, у клана Сонгцэна было не так много принцев. Вернее, два: он и его отец. При таком раскладе, как казалось Юншэну, можно было выдвигать свои требования. Его же не лишат права наследования, потому что других вариантов у клана все равно не было, а решение дипломатических вопросов с помощью династических браков в представлении Юншэна было какой-то дремучей древностью с элементами проституции.

- Неужели ты даже не спросишь у отца или кто там решает, можешь ли быть с той девушкой, которую полюбил? Просто будешь ждать, что тебя на ком-нибудь женят? А если она будет красива, как динозавр, вдвое старше и храпеть по ночам? - спросил Юншэн.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Были вещи, которые, как казалось Сонгцэну, Юншэну объяснять бесполезно. С другой стороны, друг был прав в том, что ничто не мешало спросить отца, если такая ситуация возникнет. Только вряд ли в клане согласятся, если он найдет девушку, брак с которой не будет выгоден.

- Не знаю. Мне кажется, сейчас это обсуждать бесполезно, - сказал Сонгцэн. - Я ни в кого не влюблен. А вдруг невеста, которую мне выберут, будет прекрасна как Сяо Цао, разумна и интересна? И именно она окажется той женщиной, в которую я влюблюсь, едва увидев? Мои родители не хотели жениться, но со временем поняли, что любят друг друга.

Листьев оставалось уже немного, и их остатки Сонгцэн высыпал в вок, просто

перевернув корзину.

- Юншэн, я не могу отвечать на эти вопросы теоретически. Может, лет через пятнадцать у меня будет гарем, и я пойму, что именно он для меня - счастливая личная жизнь. Но пока я должен сдать экзамен. Пока я не имею право носить оружие в клане, никто со мной не будет обсуждать мою будущую личную жизнь даже в теории.

Юншэн Лю

Юншэн аккуратнее сложил пакеты в корзине и доложил к ним еще один. Работа подходила к концу, Сонгцэн отлично с ней справлялся.

- То есть ты будешь монахом до тех пор, пока не достигнешь мастерства в магии Огня и Воды одновременно? - уточнил Юншэн.

Насколько он понимал, именно в этом заключался для его друга экзамен в клане, после сдачи которого тот получит право носить оружие. Это был какой-то очень сложный путь к счастью в личной жизни, потому что смелая затея Сонгцэна могла отнять у него не один год. Юншэн не понимал, как так можно, и неужели нельзя было хотя бы выбрать экзамены попроще, раз от них зависело не только право занимать какую-то формальную должность, но и банальная возможность встречаться с девушками.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Именно, - ответил Сонгцэн. - А до этого мне просто некогда будет думать о девушках.

Он не считал это главной проблемой, связанной с подготовкой к экзамену. Ему нужно было доказать, что Кобры должны признать его право ими править, а для этого нужно было сделать что-то невероятное, чтобы заслужить их доверие, имея иной звериный облик. Юншэн думал о девушках, Сонгцэн - о судьбе клана, прочее он пока считал не очень важными глупостями, как бы они ни кружили головы остальным. Но Сонгцэн подозревал, что мнение его друга прямо противоположное: судьба незнакомого ему клана кажется ему ерундой по сравнению с влюбленным взглядом бездонных глаз прекрасной Янлин.

Последняя партия листьев просохла, и Сонгцэн также высыпал её из вока. Они управились даже быстрее, чем он рассчитывал, потому что изначально корзина с чайными листьями казалась огромной.

- Уберешь оставшийся чай? - спросил Сонгцэн.

Он понес сковороду на стол, где мыли посуду, чтобы сразу её ополоснуть, избавившись от остатков запаха чайных листьев.

Юншэн Лю

Юншэну это все казалось дикостью. Сонгцэн обрекал себя на долгие годы только тренировок, еще и изучая не сочетаемые стихи. Но его ж разве переубедишь? Да и

что он мог сделать, когда у принцев наверняка какие-то свои обязанности перед собственным народом, даже если народу там деревня в горах Непала.

- Да, уберу, - сказал Юншэн.

Он упаковал оставшийся чай и положил его в корзину к остальным пакетам. Саму корзину Юншэн поставил на столешницу, потому что не знал, куда сифу По планировал убирать этот чай. Что-то должно было понадобиться сифу Айро, что-то отправят в деревню на продажу.

- Пойдем? - спросил Юншэн, когда Сонгцэн закончил возиться со сковородой.

Они вместе вышли из столовой и вместе же направились к своим домам, которые стояли довольно близко друг от друга. В монастыре вовсю шла подготовка к празднику, и уже чувствовалось настроение, которое возникает в день полной Луны, на который приходятся основные торжества, связанные с Серединой Осени.
